

Am I close enough?

Что может быть более возбуждающим, чем предвкушение близкой радости обладания любимой девушкой? Глаза ее блестят, мои тоже, частое дыхание выдает ее с головой (и конечно, с другими частями ее роскошного тела). В лучах предзакатного солнца оно переливается и блестит — шоколадно-оранжевый свет проникает между бедер, лаская голую уже киску, голую абсолютно. Она так любит, и я только рад этому. К черту это еженедельное бритье, пену, спреи и Gillette Woman — она удалила их насовсем, так что теперь она всегда более обнажена, чем девятьсот девяносто женщин из тысячи. А еще она любит короткую стрижку — и ее мягкие волосы давно не отрастали ниже плеч. Сейчас они много короче, почти как у мальчика. Но я не ощущаю себя педофилом — конечно нет, ведь она чертовски сексуальная, открытая мне женщина, желающая иметь повсюду крупный твердый член, желающая быть оттраханной с грубой нежностью. Мысли путаются в моей голове, и сейчас весь мир это она, ее губы, грудь и все ее дерзкое в сексе естество. Ника, которую я люблю.

— Я признаюсь, — прошептала она, теребя безупречными жемчужными коготками слегка сморщенный сосок — вчера Машка подвезла меня домой, и пригласила к себе выпить немного Martini. Потом отступать было поздно, и знаешь, мне кажется, я люблю ее тоже.

Произнося это, Ника гладит мой упругий уже член. Я делаю вид, что недоволен, и притворство мое Ника тоже чувствует, улыбаясь мне задорно. Ее сестра Маша старше Ники на четыре года, и теперь, видимо, не просто сестра. Они почти близнецы, почти одинаковы лицом и фигурой, вот только Машка давно уже не стесняется быть лесби для своих подруг... и для своей сестры. Конечно, инцест — сложная штука, я и никогда не стал бы с упоением лизать клитор своей сестры... к чему сестра, если я с Никой. Она довела мой член почти до Большого Взрыва, облизываясь и помаленьку заглядываясь на темно-красную головку. Конечно, я знаю — сейчас она хочет заполучить ее, как леденец, в свой ротик. Чуть пухленькие ее губки сложились колечком, они влажные и встречают его теплом и нежностью.

— Тебе понравился Машин вкус? — теперь спрашиваю я, слегка неровно дыша, когда Ника движется вдоль ствола, облизав яички. Теперь ее острый, — но не для моего члена во рту! — язычок исчезает, и она глотает мое орудие почти целиком.

— Вкус? — она причмокнула, отрываясь от меня, и подняла личико, глядя в глаза. Конечно же, она поняла, что я говорю не о модных полупрозрачных платьях, дорогом белье, провоцирующем и ласкающем до поры скрытые местечки, и не о новом Alfa Romeo, в котором алая кожа кресел тайком лелеет шелковистые бедра хозяйки, вовсе нет. Я хочу знать, что думает Ника теперь, наслаждаясь моим членом, и лаская одной ручкой клитор (да, я заметил, конечно!) — думает о вкусе безупречной Машиной киски. Теперь я представил, как Ника, высунув язычок, крылом бабочки порхает над Машиным клитором, та постанывает, раздвигает ноги все шире, а сестра пронзает ее влагалище парой пальчиков — чтобы затем принять в ротик горячие соки любимой женщины, смешанные со слюной, пробуя их новый вкус.

— Она так меня гладила — наконец выдохнула Ника. Правда, все мужчины света не могут гладить так меня. Даже я сама — она знает наперед все мое тело, и Маше не нужно слов, чтобы заставить меня самой раздвинуть ее прекрасно гладкие ноги, как у меня, ты знаешь — и

потом жадно впиться в бутон. Он упругий и нежный, как сама Маша, и она так стонала... Почему я не хотела раньше просыпаться с ней утром, прекрасно обнаженной, с тяжелой головой, кругами под глазами и бесконечно счастливой?

Вдруг я понял, что мысли о Маше больше мне нетерпимы, нет сил больше слушать это и видеть обнаженную Нику между своих ног. Еще несколько секунд — и я бросился на мою Нику.

Нагнуться — обнять ее, руками еще ниже, ее потрясающий зад, круглые и аппетитные ягодицы — ладони под них — сильный рывок вверх, и вот она уже со мной, рядом. Я стою и держу ее на руках, ее ноги обвили мою талию, и по бедру моему стекает капелька ее сока, а значит, пора вставить эту штуковину поглубже.

Вот он входит — Ника изогнулось назад, и неширокое влагище плотно сжалось вокруг меня.

Она обнимает меня за шею и между стонами шепчет нежные слова о любви — ее глаза наполнились влагой, совсем чуть-чуть, и она кончает. Так непросто стоять, но еще можно выдержать этот полуминутный оргазм Ники. Как будто вдруг я увидел нас глазами нескромного наблюдателя... роскошная девушка верхом на члене, ее лицо горит, помада размазалась вокруг губ, ее ягодицы широко раскрыты — может быть, ей больно — но не сейчас! Чудное зрелище — стройная смуглая спина, резко очерченная талия, ниже два текущих соком отверстия. Анус ее немного раскрылся и пальцы мои сами скользнули внутрь ее влажных глубин, терзая ее теперь с двух сторон, да Ника и сама яростно подпрыгивает на мне, все больше и больше раскрывая свои входы для грубоватых ласк.

Наконец она открывает глаза. Очнулась. Я устал и теперь осторожно опускаю ее на кровать — потому что я все-таки устал и затем еще, чтоб без труда добраться до ее попки и овладеть Никой еще глубже.

Теперь я наверняка знал, что одного раза для нее недостаточно, а сам я задержался немного на подъеме к вершине, и был не прочь затопить ее буквально распирающей меня спермой.

Сейчас самое время посмотреть в ее наполненные страстью глаза — в них я увидел жажду продолжения. Ника — прекрасная моя Ника изнемогала от желания, и жар ее тела испепелял меня и заставлял задыхаться, словно от нестерпимого зноя. Кажется, что кружится голова, я не могу больше стоять сверху и припадаю губами к ее чудесной груди, небольшой, но такой вкусной. Я играю языком с ее соском, целую смуглую кожу вокруг, и спешу ласкать второй. Мокрые, они блестят и встают еще больше. Ника стонет и улыбается мне в ответ.

— Хочешь с ними поиграть? — я взял ее гибкую руку своей, и нетерпеливо опустил вниз, туда, где непрерывно выделялись ее соки. Закусывая губу, Ника проводит пальчиками вдоль влагища — немного, и они уже влажные, задерживается на мгновение у клитора, чтобы коснуться его. И вот пальчики ее теребят жаждущие ласк сосочки, они покрываются смазкой и хочется облизать их еще... Но Ника не пускает меня к ним — а сама сжимает все сильнее, и я удивляюсь, почему ей не больно.

— Видишь, моя попка ждет — прошу тебя! — стонет Ника, когда пальцы мои спускаются по ее животу, проскальзывают вниз, минуя девственно гладкий лобок, немного погружаются в истекающую соком пещерку, а потом сначала нежно, а потом все настойчивей, один, второй, третий, проникают в узкую дырочку попки. Конечно, Ника не девственница в этом смысле, и анус уже не раз доставлял ей удовольствие, пропуская в себя немаленький мой член, но такая попка достойна самого нежного отношения. Нашаривая одной рукой на тумбочке, я нахожу

тубик неперменного jelly, а затем выдавливаю весьма изрядное количество себе на пальцы. Теперь опять внутрь — как легко! — и дырочка раскрывается еще больше, словно понимая, что боли так и не будет. Ника, конечно же, не выдерживает, одна ее рука оказывается вдруг рядом с моей, и подождав, когда я на секунду вышел из нее, сама запускает туда пару пальчиков. Ее движения глубже и быстрее, темная воронка ануса пульсирует все интенсивней, то сокращаясь вслед выходящей руке, то покорно раздвигаясь, принимая пальчики обратно. Широко распахнутыми глазами я смотрю на ее игру, потом в глаза. Нет, — конечно без слов, мой взгляд говорит ей — я не могу смотреть, как ты мастурбируешь, я сейчас взорвусь. Просто взорвусь...

Все происходит в одно мгновение — очень-очень быстро... Я хватаю ее за ноги. Повыше их. Ее руки помогают мне. Еще. Теперь бедра ее раздвинуты, Ника схватила себя под коленками и притянула их к себе, отчего ее зад немного приподнялся, а попка оказалась как раз напротив члена. Беру его рукой, подаюсь вперед — она кусает губы — касаюсь ее ТАМ, все сильнее, теперь немного надавить. Ника охает, а я вижу, как мой член медленно исчезает в ее попке. Меня встречает жаркое тело Ники, жаркое еще более оттого, что так тесно и ее попка сжимает меня со всех сторон. Так много влаги — наверное, я переборщил с гелем, а может быть, это пролился источник из ее верхней дырочки... Я вижу ее тело сквозь оранжевую дымку, торопливое дыхание мое кружит голову, сердце бешено стучит. Наверное, проходит минут десять, но для меня они становятся одной секундой, а тела наши сливаются в одно. Словно в полусне, я замечаю, как она яростно подмахивает мне, приподнимая попку вверх,... бессознательно моя рука ложится между ее ног, и пальцы раскрывают ярко-алые губы... Я ласкаю клитор, зачерпывая текущую смазку, потом Ника помогает мне, а я проникаю во влагалище, чувствую там невероятный ритм моего члена в анусе. Любовь моя вскрикивает, и обратного пути уже нет. Для нее и для меня. Внезапно все вокруг пропадает, сердце, видимо, останавливается, я закрываю глаза — и все равно вижу только яркую пульсирующую темноту. Обжигающие волны пронзают тело, оно трепещет в них, чувства исчезают и совсем не страшно лететь... Потом сильные толчки внизу, бурные потоки вырываются из моих глубин, и струятся в нее...

Внезапно я почувствовал боль — самую настоящую, открыл глаза и увидел свежие царапины на моих бедрах, быстро алеющие; и еще Ее, всю влажную, блестящую от тонкого слоя пряного пота, вздрагивающую и почти напуганную...

А утром открытый всем ветрам мой львенок Peugeot быстро мчался по шоссе вдоль побережья. Прохладный соленый воздух ласкал наши лица, я украдкой от дороги смотрел на Нику, сидящую рядом. Прозрачное белое платье трепетало на ветру, руки нежно обнимали маленькую плетеную корзинку, которую утром собрала она сама, попросив меня только выбрать вино.

Not to be continued